

* * *

Стихи — как память о войне...
Они еще стучатся в сердце
И продолжают жить во мне,
Суровые единоверцы.

Они людей тревожить душу
Хотят с другими наравне
И ждут, чтоб кто-то их послушал,
Стихи солдата о войне.

Кому-то, может быть, дано
Найти в них родственные чувства,
Приметив в закромах искусства
Мной принесенное зерно.

Взращенные, подобно злакам,
Средь избяных крестьянских стен,
Они еще идут в атаку,
Чтоб никогда не сдаться в плен.

ПАХАРИ

*Памяти
Степана Григорьевича Брюнина,
Андрея Ивановича Ныркова,
Ивана Афанасьевича Рыжова
и других односельчан,
павших в битве под Москвой*

Были это все живые люди.
Отойти не пожелав назад,
В новеньких шинелях у орудий
Мужики побитые лежат.

Взяли их с уборочной в солдаты,
Впрок и дня не вышло отдохнуть.
Неуклюжи чуть и мешковаты,
Будто перед кем-то виноваты,
Шли они от сельсовета в путь.

Страшные осенние недели:
Враг у подмосковных деревень.
У орудий серые шинели
Начинали новый трудодень.

Бить по танкам не простое дело,
Все кругом в неистовой пальбе.
Соль на гимнастерках прикипела,
Будто на току, на молотьебе.

На руках тяжелые снаряды,
А на лицах копоть, как смола.
Никакой награды им не надо,
Лишь бы только Родина жила.

Тяжела их ратная работа,
Но работать им не в первый раз:
И родились в поле, у ометов,
И встречают тут последний час.

Мать-земля,
родная с колыбели,
Мягкую постель им приготовь.
Новые — с иголки — шинели
Теплая пропитывает кровь.

Потонула даль в дыму и гуде.
Враг отброшен,
враг бежит назад...
В новеньких шинелях у орудий
Пахари убитые лежат.

ПРИВАЛ

Упаду, изможденный,
На винтовку щекой.
Ах, как сладок законный,
Разрешенный покой!

К деревянному ложу
Лбом горячим прильну.
Ничего нет дороже —
Моментально засну.

Ни единой мыслишки
О гудящей войне.
Орудийные вспышки
Где-то там, в стороне...

Старшина наш на грядке
Тоже плюхнулся в грязь —
И лежит в плащ-палатке,
Как какой-нибудь князь.

Опираюсь спиною
О его сапоги.
Ночь висит надо мною,
И не видно ни зги.

Дождь, к востоку повернутый,
Выжимающий знобь,
По пилотке развернутой
Сеет мелкую дробь.

Вот и дождик не чую.
Распластавшись ничком,
Все куда-то лечу я
Босиком, босиком.

Убегаю с уроков
С ребятнею на пруд.
Нам отпущено сроку
Целых десять минут.

В борозде в огородах
Расстилаю шинель,
Рву для нашей коровы
Повитель, повитель...

И опять убегаю
С ребятнею на пруд.
Мне отпущено, знаю,
Ровно десять минут.

Мне отпущен законный,
Разрешенный покой!
Кто там, в плащ облаченный,
Тычет в спину рукой?

Кто там с яростным топотом
В круг выходит плясать
И командует шепотом
Повелительно: «Встать!»

* * *

Рванулось сердце горячо —
И гулко, гулко застучало,
Едва почуяло плечо
Прикосновение металла.

И вот уж я залег в кювет
У города Кривого Рога,
И мне уже семнадцать лет,
И жить осталось так немного.

А рядом — танки в три ряда,
Бежит пехота к переправе.
А нам нельзя, нельзя туда —
Заслоны отходить не вправо.

Все, что пришлось тогда решать,
Пожизненно в груди скипелось...
Мне не хотелось умирать,
А в плен и мертвым не хотелось.

А сзади Ингулец течет,
Судьбы — конец, судьбы — начало...
Что ты забилося горячо,
О чем ты, сердце, застучало?

* * *

А я боялся на войне —
Чтоб в плен меня не захватили
И чтоб случайно не убили
От взвода где-то в стороне.

Чтоб бомбою в глухом овраге
Не уложило наповал,
Чтоб не пришли домой бумаги
О том, что без вести пропал.

И в охраненье боевом
Чтоб след мой
вдруг не затерялся,

И мертвым я не распластался
Пред торжествующим врагом.

О доля, высшая из всех,
Что уготованы солдату, —
Пасть на бегу на белый снег
В цепи под клич ее крылатый!

И я хотел,
                                чтоб на поверке
Среди просторного села
Хотя б на тоненькой фанерке
Моя фамилия была...